
Анатолий Шигапов
КАЛИНИНГРАДСКИЙ
РУБЕЖ 6.0.

ЯНТАРНЫЙ КУПОЛ

Анатолий Шигапов

КАЛИНИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ 6.0.

«Автор»
2026

Шигапов А.

КАЛИНИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ 6.0. / А. Шигапов — «Автор», 2026 — (ЯНТАРНЫЙ КУПОЛ)

Тёмная, мрачная улица разрушенного Калининграда. Идёт мелкий дождь, на земле тает последний снег. Вдалеке видны руины и дым. Но в центре композиции — узкий проход между обломками, который ведёт к яркому, ослепительному свету. В этом проходе, спиной к зрителю, стоят маленький мальчик и молодая женщина, они держатся за руки и делают шаг вперёд, в этот свет. На земле, на переднем плане, среди камней и грязи, лежит свежий, чистый, золотистый янтарь, который отражает свет. Стиль: фотореализм, мрачная и гнетущая атмосфера на переднем плане, контрастирующая с чистым, обнадеживающим светом в конце туннеля.

© Шигапов А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Шигапов
КАЛИНИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ 6.0.

Посвящается
Тем, кто не вернулся.
Тем, кто вернулся и продолжил жить.
Тем, кто встал плечом к плечу, когда рушился мир.
И тем, кто верит, что после тьмы всегда приходит свет.
Дорогой читатель.

Перед тобой – шестая книга цикла «Янтарный купол». Если ты прошёл со мной и героями весь этот путь от первой книги до сегодняшнего дня, ты знаешь, как далеко мы ушли. Как менялись люди, как рушились надежды и возрождались снова, как боль потерь становилась фундаментом для новой жизни. Если же ты начинаешь знакомство с серией с этой книги – знай: впереди у тебя долгая дорога, и я надеюсь, она будет для тебя такой же важной, какой стала для меня.

«Калининградский рубеж» – книга о границах. О тех, что проходят по карте, и о тех, что пролегают внутри нас. О рубеже, который переступает Алиса, из девочки, научившейся стрелять, превращаясь в командира, в человека, принимающего решения, от которых зависят жизни. О рубеже, который переступает Зорин, старый солдат, находящий в себе силы не только воевать, но и верить в справедливость, даже когда вера кажется наивной. О рубеже, который переступает Вера Андреевна, потерявшая сына, но продолжающая спасать чужих детей. И о рубеже, который переступает Мартинас – маленький сенсор, видящий мёртвых и умеющий говорить живым главное: после тьмы всегда свет.

В этой книге мы впервые увидели, как наши герои – русские, армяне, татары, литовцы, поляки, евреи – встают плечом к плечу в общей молитве. Я писал эту сцену с особым чувством. Потому что уверен: когда рушатся государства, когда технологии бессильны, а старые истины рассыпаются в прах, человек остаётся наедине с самым главным. Со смертью, с надеждой, с вопросом: «Зачем мы были?». И тогда мы обращаемся к тому, что глубже паспорта. К языку предков. К Богу, как мы Его понимаем. И оказывается, что у Бога нет национальности. И что перед лицом вечности мы все равны.

Я писал эту книгу в разное время, в разных настроениях. Но труднее всего давались сцены боёв и госпиталя. Я не хотел превращать войну в героический эпос – война всегда грязна, всегда страшна, всегда забирает слишком много. Но я хотел показать, что даже в этой грязи и страхе человек может оставаться человеком. Что настоящий подвиг – не убить врага, а спасти раненого товарища, утешить плачущего ребёнка, не озлобиться, когда кажется, что надежды больше нет. Что сила не в пулях и не в кристаллах. Настоящая сила – в единстве, перед которым отступает даже смерть.

Суд над Боровским – это не только торжество справедливости. Это, как ни странно, тоже акт веры. Веры в то, что даже самый страшный преступник должен быть судим по закону, а не растерзан толпой. Веры в то, что мы, пережившие катастрофу, способны оставаться цивилизованными людьми. Алиса, которая могла бы добить Боровского на месте, не делает этого. И в этом – её взросление, её нравственный выбор, её человечность.

Финал книги – общая молитва и надежда на новую жизнь – неслучаен. Я хотел, чтобы, закрыв последнюю страницу, ты почувствовал не только горечь потерь, но и свет в конце тоннеля. Потому что, как говорит маленький Мартинас: «После тьмы всегда свет». И если мы научимся помнить тех, кто не вернулся, и строить мир для тех, кто остался, значит, всё было не зря.

«Калининградский рубеж» завершает большой этап в жизни героев. Но это не финал цикла. Впереди – новые книги. Новые земли. Новые испытания. И я надеюсь, что ты, читатель, останешься с нами.

Спасибо тебе за то, что прошёл этот путь. За то, что не испугался боли и не отвернулся от правды. За то, что позволил себе надеяться вместе с героями.

С уважением и надеждой,
Анатолий Шигапов

Глава 1. Весна 2031

Весна 2031 года пришла в Калининград неожиданно рано. Ещё в феврале лежали сугробы, морозы сковывали реки, и люди, привыкшие за годы выживания к любым испытаниям, уже готовились к долгой, тяжёлой весне. Но март выдался на удивление тёплым, и снег начал таять, обнажая чёрную, мокрую землю, а вместе с ней – и старые раны города.

Развалины, которых за годы войны и катастрофы накопилось немало, теперь выглядели особенно мрачно. Серые остовы домов, из которых торчала ржавая арматура, груды битого кирпича, покосившиеся заборы – всё это медленно выходило из-под снежного покрова, напоминая о том, через что пришлось пройти. Но там, где ещё уцелели здания, уже кипела работа. Люди чинили крыши, вставляли стёкла, красили фасады. Жизнь возвращалась.

Алиса стояла на крыльце штабной избы и смотрела, как по двору бегают дети. Мартинас, Эгле, Томас – они уже не были теми испуганными малышами, которых привезли из латвийского бункера. Они выросли, окрепли, и теперь их звонкие голоса разносились по всей базе. Младшие дети-сенсоры, которых за последний год набралось уже больше трёх десятков, носились за ними, пытаясь догнать.

– Смотри, – сказал Йонас, подходя к ней и обнимая за плечи. – Они играют. Как обычные дети.

– Они и есть обычные дети, – ответила Алиса. – Просто с даром.

– Или с проклятием, – тихо добавил он. – Как посмотреть.

– Я предпочитаю считать, что с даром.

Они помолчали, глядя на игру. Где-то вдалеке, за лесом, слышался стук топоров – там строили новые дома для переселенцев. За последние месяцы в Калининград потянулись люди из окрестных деревень, из Литвы, даже из Польши. Те, кто выжил, искали место, где можно начать новую жизнь. И находили его здесь.

– Ты видела Зорина? – спросил Йонас.

– Он утром уехал в город. Горелов собирает совет.

– Опять?

– Опять. Говорят, на границе опять неспокойно.

Йонас нахмурился:

– Думаешь, Боровский?

– Боровский мёртв. Мы сами видели. Но его люди… они не все сдались.

Весна принесла не только тепло, но и тревогу. Разведчики доносили, что в лесах, на границе с Польшей, появились вооружённые группы. Кто-то говорил, что это остатки банды Боровского, кто-то – что натовцы снова активизировались. Алиса не знала, чему верить. Она знала только одно: мир, который они отстроили с таким трудом, снова под угрозой.

– Пойдём, – сказала она, отрываясь от перил. – Надо проверить посты.

Они спустились во двор. Дети, увидев их, подбежали. Мартинас, уже почти подросток, серьёзно посмотрел на Алису:

– Ты уезжаешь?

– Нет, малыш. Я здесь.

– А дядя Гриша?

– Вернётся к вечеру.

Мальчик кивнул, но в его глазах, странных, светящихся, было что-то, что заставило Алису задержаться.

– Что ты видишь? – спросила она.

– Не знаю. Что-то тёмное. Оно приближается.

– Боровский?

– Не знаю. Но оно злое. Очень злое.

Алиса обняла его, прижала к себе. Она не знала, верить ли предчувствиям мальчика, но годы войны научили её, что детей-сенсоров нельзя игнорировать.

– Мы будем готовы, – сказала она. – Обещаю.

Зорин вернулся под вечер, усталый, но довольный. В избе уже накрыли ужин. Вера Андреевна принесла горячий чай, женщины нарезали хлеб. Алиса ждала, не спрашивая.

– В городе всё спокойно, – сказал Зорин, садясь за стол. – Горелов наладил связь с Москвой, помощь идёт. Но есть новости и похуже.

– Какие? – спросил Йонас.

– На границе действительно появились вооружённые группы. Небольшие, по пять-десять человек, но они есть. Разведчики говорят, что они переходят границу по ночам, прячутся в лесах.

– Боровского люди? – спросила Алиса.

– Может быть. Или те, кто за ними стоит.

– Натовцы?

– Возможно. Джонсон говорит, что в Европе не успокоились. Кому-то очень нужен наш кристалл.

Алиса почувствовала, как холодок пробежал по спине. Кристалл, который они принесли из Даугавпилса, теперь хранился в лаборатории под усиленной охраной. Фогель и Николай Иванович продолжали его изучать, но до сих пор не нашли способа использовать его энергию в полную силу.

– Что будем делать? – спросила она.

– Готовиться, – ответил Зорин. – Укреплять оборону, тренировать людей. Если они придут, мы должны быть готовы.

Ночью Алисе не спалось. Она вышла на крыльцо, глядя на звёзды. Рядом пристроился Мартинас.

– Ты не спишь, – сказал он.

– Не спится. Думаю.

– О чём?

– О том, что будет. О том, что сказал дядя Гриша.

– Они придут, – тихо сказал мальчик. – Я чувствую.

– Когда?

– Скоро. Когда растает снег.

Алиса обняла его. Ветер шумел в кронах, и в этом шуме ей чудился далёкий гул. Скоро начнётся.

Утро следующего дня выдалось ясным и тёплым. Солнце, поднявшись над лесом, растопило последние остатки снега в тенистых уголках, и по двору побежали ручьи. Дети, воспользовавшись моментом, пускали бумажные кораблики в лужах, и их звонкий смех разносился по всей базе.

Алиса вышла из избы, потянулась, вдыхая свежий, пахнущий талой водой воздух. Рядом с крыльца спрыгнул Йонас.

– В город поедешь? – спросил он. – Зорин сказал, Горелов просил приехать, обсудить планы обороны.

– Поеду. Ты со мной?

– Конечно.

Они сели в старенький УАЗик, который чудом ещё работал, и покатили по разбитой дороге к Калининграду. Город открывался постепенно: сначала окраины с новыми домиками, сколоченными из подручных материалов, потом улицы, где ещё виднелись следы разрушений, но уже чувствовалось дыхание жизни.

На одной из площадей, где когда-то стоял универмаг, теперь играли дети. Они бегали среди обломков, прятались в развалинах, строили башни из битого кирпича. Их родители, женщины в платках, сидели на лавочках, греясь на солнце, и переговаривались. Алиса смотрела на них и чувствовала, как сжимается сердце. Эти дети не знали довоенного мира. Они родились уже после катастрофы или были слишком малы, чтобы помнить. Для них развалины были нормой, война – привычным фоном. Но они смеялись, они играли, они жили.

– Останови, – попросила она Йонаса.

Машина замерла. Алиса вышла, подошла к детям. Они насторожились, но не испугались – её здесь знали.

– Вы кто? – спросила девочка лет семи, с хвостиками и веснушками.

– Я Алиса. А ты?

– Катя. А это мой брат Петя.

Мальчик, поменьше, спрятался за сестру, но выглядывал с любопытством.

– Вы тут живёте?

– Да, вон там, – Катя показала на подвал бывшего универмага, где ютилось несколько семей. – Мы скоро новый дом построим. Папа обещал.

– Построите, – улыбнулась Алиса. – Обязательно.

Она достала из кармана конфеты – берегла для таких встреч – и протянула детям. Те, не веря своему счастью, взяли, поблагодарили и побежали делиться с друзьями.

Алиса вернулась в машину. Йонас молчал, только взял её за руку.

– Думаешь, они когда-нибудь увидят мир без войны? – спросила она.

– Должны, – ответил он. – Ради этого мы и воюем.

В здании бывшего Дома Советов, где теперь размещался штаб Горелова, было людно. В коридорах сновали военные, гражданские, посыльные. Горелов, заставленный картами и бумагами, выглядел усталым, но бодрым. Увидев Алису, он кивнул:

– Садись. Зорин уже здесь.

Зорин сидел в углу, опираясь на трость. Рядом с ним расположились Марат, Петрович, Рашид, Тер-Петрос, Рашид-хазрат и другие представители общин. На столе лежала карта Калининградской области с пометками.

– Докладываю, – начал Горелов. – На границе замечены передвижения вооружённых групп. Пока небольшие, но они есть. Наши разведчики захватили одного из них. Он подтвердил, что это люди Боровского, которые не сдались. Они собираются в лесах, готовятся к чему-то.

– К чему? – спросил Зорин.

– К вторжению. У них есть поддержка извне. Оружие, боеприпасы, возможно, даже натовский спецназ.

В комнате повисла тишина. Все смотрели на карту, где красные флажки отмечали места скопления врага.

– Сколько их? – спросил Марат.

– По разным данным, от двух до трёх сотен. Но они могут подтянуть подкрепление.

– А наши? – спросила Алиса.

– У нас около пятисот обученных бойцов. Если объединим ополчение и военных. Плюс народная дружина.

– Этого мало, – сказал Петрович.

– Значит, будем воевать умом, – ответил Горелов. – Укреплять оборону, ставить ловушки, использовать преимущества местности.

Зорин встал, подошёл к карте:

– Они пойдут на город. Им нужен кристалл и контроль над областью. Мы должны не дать им пройти.

– А если они пойдут в обход? – спросил Рашид.

– У нас есть люди в лесах. Не пропустят.

Совещание затянулось. Обсуждали планы обороны, распределяли силы, назначали ответственных. Алиса слушала, впитывая каждое слово. Она чувствовала, что это только начало.

Когда всё было решено, она вышла на улицу. Вечерело, солнце садилось, окрашивая небо в багровые тона. Йонас ждал у машины.

– Домой? – спросил он.

– Домой.

Они поехали обратно. За окнами мелькали развалины, новые домики, дети, играющие в сумерках. Алиса смотрела на них и думала о том, что они не должны увидеть новую войну.

Обратная дорога тянулась медленно. УАЗик подпрыгивал на ухабах, и Алиса, прижавшись к окну, смотрела на проплывающие мимо поля и перелески. Вечернее солнце красило всё в золотисто-розовые тона, и на душе было тревожно и светло одновременно.

– О чём думаешь? – спросил Йонас, ведя машину.

– О детях. О тех, кто играл в развалинах. Они такие маленькие, а уже видели столько ужасов.

– Они выжили. Это главное.

– Но вырастут в мире, где война – норма. Им не знать, как жить без страха.

– Поэтому мы должны победить, – твёрдо сказал Йонас. – Чтобы они узнали.

Алиса кивнула, но в душе засела тревога. Мартинас сказал, что приближается что-то тёмное, и она чувствовала это каждой клеткой.

На базе их встретили дети. Мартинас, Эгле и Томас выбежали навстречу, едва машина остановилась. Алиса не успела выйти, как Мартинас схватил её за руку.

– Ты видела? – спросил он.

– Что?

– Там, в городе. Тёмное. Оно приближается.

– Мы знаем, малыш. Мы готовимся.

– Не готовы, – покачал он головой. – Не до конца.

Алиса присела перед ним на корточки:

– Что ты видишь?

Мальчик закрыл глаза, сосредоточился. Когда открыл, в них стояла такая глубокая печаль, что у Алисы защемило сердце.

– Много злых людей. Они идут с оружием. Они хотят забрать кристалл. И они убьют многих.

– Мы не дадим.

– Не дадите, – согласился он. – Но некоторые погибнут.

Она обняла его, прижала к себе. Рядом стояли Эгле и Томас, молчали, только смотрели на неё своими странными глазами.

– Мы будем готовы, – повторила Алиса. – Обещаю.

Вечером, когда стемнело, Зорин собрал всех во дворе. Люди вышли из изб, кто с кружкой чая, кто просто так. Костер разгорался, отбрасывая тени на лица.

– Завтра начинаем готовиться к обороне, – сказал Зорин. – Враг может прийти в любой момент. Мы не знаем, когда, но мы должны быть готовы. Женщины – готовьте запасы, медикаменты. Мужчины – проверьте оружие. Дети… дети будут помогать, чем смогут.

– Мы поможем, – сказал Мартинас, выходя вперёд. – Мы будем чувствовать врага.

– Знаю, – Зорин погладил его по голове. – На вас особая надежда.

Люди разошлись. Алиса осталась сидеть у костра, глядя на огонь. Рядом присел Йонас.

– Боишься? – спросил он.

– Немного. Не за себя – за всех.

– Мы справимся. Мы уже не раз справлялись.

– Но каждый раз теряли кого-то.

– Это война.

– Я устала от войны.

Он обнял её, и она прижалась к его плечу. В темноте завывал ветер, и в этом вое чудилось что-то зловещее.

Ночью Алиса не спала. Сидела на крыльце, глядя на звёзды. Рядом пристроился Томас, укутанный в одеяло.

– Ты не спишь, – сказал он.

– Не спится. Думаю.

– О чём?

– О том, что будет. О том, что сказал Мартинас.

– Он прав, – тихо сказал мальчик. – Злые люди идут. Но вы победите. Я чувствую.

– Откуда знаешь?

– Я вижу. После тьмы будет свет.

Алиса обняла его. Она хотела верить.

Утром, когда взошло солнце, база закипела работой. Мужчины укрепляли заборы, рыли окопы, устанавливали пулемётные гнёзда. Женщины готовили запасы, перевязывали бинты, собирали медикаменты. Дети помогали, чем могли, носили воду, подносили патроны.

Алиса металась между всеми, проверяла посты, говорила с бойцами. Йонас был рядом, помогал, где мог. Зорин, несмотря на больную спину, лично проверял каждую позицию.

К вечеру пришло известие от разведчиков: большая группа вооружённых людей перешла границу и движется к Калининграду. Впереди шли натовцы, за ними – остатки банды Боровского.

– Сколько? – спросил Зорин.

– Около трёхсот, – ответил разведчик.

– А наши?

– Пятьсот. Но у них лучше вооружение.

– Ничего, – сказал Зорин. – Мы их встретим.

Алиса стояла рядом, сжимая наган. Война возвращалась.

Глава 2. Заговор Боровского

Польша, окраина Варшавы. Апрель 2031 года.

Бункер, где когда-то располагался штаб операции «Золотой купол», за прошедшие годы не изменился. Те же бетонные стены, те же тусклые аварийные лампы, та же сырость, въевшаяся в каждый угол. Но люди здесь были другие. Вместо учёных и инженеров – военные. Вместо надежды – злоба и жажда мести.

Виталий Боровский сидел в углу, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на карту, разложенную на столе. Калининградская область, Куршская коса, база Зорина – всё это было отмечено красными флажками. Он провёл пальцем по линии границы, остановился на точке, где когда-то погиб, но выжил.

Взрыв в ракетном комплексе не убил его. Он успел отскочить в старый тоннель, когда граната Руслана разорвала грудь Королевы. Его контузило, засыпало обломками, но он выжил. Натовцы, прочёсывавшие окрестности в поисках выживших, нашли его через три дня. Он был без сознания, с пробитым лёгким и переломанными рёбрами, но живой. Его выходили в полевом госпитале, переправили в Варшаву, и теперь он снова был здесь, чтобы закончить то, что начал.

– Господин Боровский, – в комнату вошёл офицер в форме без опознавательных знаков. – Вас ждут.

Боровский поднялся, одёрнул куртку. В зеркале, висевшем на стене, он увидел своё отражение: осунувшееся лицо, седина на висках, шрам на щеке. Но глаза горели тем же огнём, что и раньше.

Он вышел в коридор, прошёл мимо постов охраны. Люди в камуфляже, с автоматами, провожали его взглядами. Они знали, кто он. Они знали, что он вернулся.

В командном пункте его ждали трое. Полковник Джонсон – тот самый, что когда-то вытащил его из Калининграда, но теперь смотрел с холодным безразличием. Доктор Фогель, которого Боровский предал, а теперь вынужден терпеть его присутствие. И третий – незнакомец в гражданском, с аккуратным пробором и цепкими глазами. Представитель тех, кто стоял за всем этим с самого начала.

– Господин Боровский, – сказал незнакомец. – Мы рады, что вы поправились.

– Я не поправился, – ответил Боровский. – Я жив. Этого достаточно.

– Более чем. У нас есть для вас работа.

Он развернул на столе карту, ту самую, которую Боровский уже изучил до мельчайших деталей.

– Калининград укрепляется. У них ополчение, есть связь с Москвой, есть кристалл, который даёт им энергию. Но они не готовы к войне. Они думают, что победили. И это их слабость.

– Что вы предлагаете? – спросил Боровский.

– Мы дадим вам людей. Двести отборных бойцов, натовский спецназ. Плюс ваши люди, которые остались верны. Вы пойдёте через границу, захватите кристалл и установите контроль над областью.

– А потом?

– Потом мы признаем вас законной властью. Европа войдёт в Калининград. Москва не посмеет вмешаться.

Боровский усмехнулся:

– Вы уже обещали мне это. И что? Я сидел в тюрьме, меня преследовали, я чуть не погиб.

– В этот раз всё будет иначе, – сказал Джонсон. – Мы подготовились. У нас есть план.

– Какой?

– Вы идёте не на штурм укреплений. Вы идёте через слабое место в обороне. Наши разведчики нашли старый тоннель, который ведёт прямо в центр города. Он завален, но мы его расчистим.

– А Зорин? Алиса?

– Они будут отвлекать основные силы. Пока они будут ждать атаки с фронта, вы ударите в тыл.

Боровский задумался. План был рискованным, но в нём был смысл. Он знал этих людей. Знал их слабости.

– Когда? – спросил он.

– Через три дня. На рассвете.

– Хорошо. Я готов.

Незнакомец кивнул и вышел. Джонсон задержался.

– Вы знаете, что если провалитесь, мы вас не вытащим, – сказал он.

– Знаю. Не провалюсь.

– Надеюсь.

Боровский остался один. Он смотрел на карту, на красные флажки, на линию границы. За ней был Калининград. Там были те, кто унизил его, кто бросил в тюрьму, кто чуть не убил. Он вернётся. И тогда они заплатят.

Ночь перед выступлением Боровский почти не спал. Он сидел в своей комнате, глядя в потолок, и прокручивал в голове план. Каждую деталь, каждый шаг. Он знал, что на этот раз нельзя ошибиться. Если он проиграет, второго шанса не будет. Джонсон ясно дал это понять.

В дверь постучали. Вошёл офицер в камуфляже, с планшетом в руках.

– Господин Боровский, ваши люди прибыли. Всего двадцать три человека. Остальные, кто не сдался, ждут вас на границе.

– Ведите.

Он вышел в коридор. В большом зале бывшего склада, где когда-то хранилось оборудование для генераторов, теперь стояли люди. Двадцать три человека – бывшие уголовники, отставные военные, те, кто не захотел сдаваться после гибели Боровского. Они смотрели на него с надеждой и страхом.

– Братья, – сказал Боровский, выходя вперёд. – Мы снова вместе. Вы знаете, что они сделали с нами. Нас бросили в тюрьмы, нас преследовали, нас хотели уничтожить. Но мы выжили. И теперь мы вернёмся.

– Вернёмся! – крикнул кто-то.

– У нас есть союзники. – Боровский кивнул на натовских офицеров, стоявших в стороне. – Они дадут нам оружие, технику, людей. Мы пойдём через старый тоннель, который ведёт прямо в центр Калининграда. Пока Зорин и его ополченцы будут ждать атаки с фронта, мы ударим в тыл. Мы захватим кристалл. И тогда власть будет наша.

– А что с Гореловым? – спросил один из бандитов.

– Горелов наш, – усмехнулся Боровский. – Как и все, кто стоял у власти. Мы их сотрём.

Люди зашумели. Кто-то одобрительно кивал, кто-то сомневался. Но все понимали: назад дороги нет.

После построения Боровский задержал несколько человек. Шкаф, его верный помощник, выживший после взрыва и чудом добравшийся до польской границы. Михалыч, старый охранник, который не предал. Ещё двое – молодые, злые, готовые на всё.

– Шкаф, – сказал Боровский, когда они остались одни. – Ты уверен, что люди не разбегутся?

– Уверен, шеф. Они знают, что если мы проиграем, им некуда будет идти. Зорин их расстреляет.

– Не расстреляет, – поправил Боровский. – Он слишком добрый. Но они этого не знают.

– А что, если мы проиграем?

– Не проиграем. У меня есть план.

На рассвете группа выступила. Двадцать три человека Боровского и сотня натовского спецназа. Они двинулись к границе, к месту, где, по данным разведки, был старый тоннель, ведущий в Калининград. Впереди шли сапёры, проверяя дорогу. Боровский шёл в центре, сжимая автомат.

– Долго ещё? – спросил он у проводника, латыша, который вызвался вести группу.

– Километров десять. Если не сбавлять темп, к вечеру будем.

– А если нас заметят?

– Не заметят. Мы идём через лес, там никого нет.

Боровский кивнул. Он чувствовал, как напряжение нарастает с каждым шагом. За каждым деревом ему мерещилась засада. Но всё было тихо.

К вечеру они вышли к старому бункеру, заросшему кустарником. Проводник указал на провал в земле:

– Здесь. Тоннель ведёт прямо к окраинам Калининграда. Выход на улицу Черняховского.

– Открыт? – спросил Боровский.

– Завален, но мы его расчистили. Проход узкий, но пролезть можно.

– Хорошо. Завтра на рассвете входим.

Ночь прошла тревожно. Боровский не спал – сидел у костра, глядя на огонь, и думал о том, что ждёт его впереди. Калининград, Зорин, Алиса, кристалл. Он знал, что если проиграет, то на этот раз не выживет. Но он не собирался проигрывать.

Утром, когда взошло солнце, он поднял людей:

– Входим!

Они спустились в тоннель. Внутри было темно, сыро, пахло плесенью. Фонари выхватывали из темноты стены, покрытые ржавчиной. Боровский шёл впереди, сжимая автомат, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле.

– Сколько нам идти? – спросил он у проводника.

– Часа два. Выход на окраине, у старого рынка.

– А там охрана?

– Нет. Они не знают о тоннеле.

Боровский усмехнулся. Зорин думал, что победил. Он не знал, что враг уже под стенами.

Тоннель тянулся бесконечно. Боровский считал шаги, чтобы отвлечься от давящей темноты: тысяча, две тысячи, три тысячи. Воздух был спёртым, пахло сыростью и плесенью. Где-то впереди слышался шум – вода капала с потолка, собиралась в лужи, которые приходилось перешагивать. Проводник, латыш, шёл уверенно, иногда останавливаясь и прислушиваясь.

– Сколько ещё? – спросил Боровский, когда ноги начали неметь.

– Километра полтора. Скоро покажется свет.

Они двинулись дальше. Боровский чувствовал, как напряжение нарастает с каждым шагом. За каждым поворотом ему мерещилась засада, но тоннель был пуст. Только стены, покрытые ржавчиной, и редкие крысы, шарахающиеся в стороны.

Наконец впереди показался свет – тусклый, серый, но настоящий. Боровский прищурился, привыкая.

– Выход, – прошептал проводник. – За камнем. Никто не знает.

Они подошли к завалу. Крупные камни, бетонные обломки, ржавая арматура – всё это было аккуратно разобрано, оставлен узкий проход, достаточный для одного человека.

– Я первый, – сказал Боровский, хватая автомат.

Он протиснулся в проход и вылез наружу. В лицо ударил свежий воздух, пахнущий весной и сырой землёй. Он стоял в небольшом овраге, заросшем кустарником. Впереди, метрах в ста, виднелись очертания разрушенных зданий – окраина Калининграда.

– Где мы? – спросил он, когда следом вылез Шкаф.

– Улица Черняховского, – ответил проводник. – Отсюда до центра километра три.

– Охрана?

– Патрули. Но их мало. Они не ждут нас с этой стороны.

Боровский оглядел своих людей. Один за другим они вылезали из тоннеля, занимали позиции в овраге. Натовцы, в камуфляже, с приборами ночного видения, двигались бесшумно.

– Шкаф, – позвал Боровский. – Бери двоих, проверь, что впереди.

Шкаф кивнул и скользнул в темноту. Через несколько минут вернулся:

– Чисто. Патруль прошёл полчаса назад, следующий будет через час.

– Значит, у нас есть время. Вперёд!

Они двинулись к городу. Боровский шёл впереди, сжимая автомат, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Каждый шаг приближал его к цели. Кристалл, власть, месть – всё было так близко.

Они вышли к развалинам универмага, где когда-то играли дети. Теперь здесь было пусто. Только ветер гонял обрывки газет по асфальту.

– Дальше, – сказал проводник, указывая на узкую улочку. – Там выход к площади.

Боровский подал знак, и группа двинулась. Вдруг впереди, за углом, послышались голоса. Патруль – двое ополченцев, с автоматами, шли медленно, о чём-то разговаривая.

– Тихо, – прошептал Боровский, поднимая руку.

Он ждал, пока патрульные приблизятся. Когда они поравнялись с укрытием, он выскочил первым, ударил прикладом, и ополченец рухнул без звука. Второго снял Шкаф.

– Обыщите, – приказал Боровский.

У одного нашли рацию. Боровский выключил её, сунул в карман.

– Теперь нас не услышат, – усмехнулся он. – Вперёд.

Площадь была пуста. Старый постамент, где когда-то стоял памятник, теперь служил ориентиром. Боровский остановился, огляделся. Впереди, за развалинами, виднелось здание штаба Горелова. Там, в подвале, хранился кристалл.

– Окружаем, – скомандовал он. – Шкаф, бери своих, заходи слева. Натовцы – справа. Я иду в центр.

– А если там охрана? – спросил Шкаф.

– Уберём.

Они двинулись. Боровский шёл, чувствуя, как адреналин закипает в крови. Он знал, что это его последний шанс. Если он проиграет, то на этот раз не выживет.

Вдруг впереди, из-за угла, выскочил человек. Молодой парень, с автоматом, в форме ополченца. Увидев вооружённую группу, он замер, потом вскинул оружие.

– В укрытие! – закричал Боровский, падая на землю.

Выстрелы грохнули. Пули свистели над головой. Натовцы открыли ответный огонь, и парень упал.

– Быстрее! – заорал Боровский, поднимаясь. – Пока не пришли другие!

Они побежали к зданию штаба. Впереди уже виднелись огни – охрана заметила шум.

– Не останавливаться! – крикнул Боровский, стреляя на ходу.

Они ворвались в здание, когда сзади раздались выстрелы. Ополченцы подтягивались, окружали их.

– В подвал! – скомандовал Боровский. – Кристалл там!

Они побежали по коридорам, сбивая замки, вышибая двери. В подвале было темно, но в конце коридора горел золотистый свет.

– Там, – прошептал Шкаф.

Боровский рванул вперёд, но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге встал Зорин. Старый, опирающийся на трость, но с автоматом в руках.

– Стоять! – закричал он.

Боровский замер. Сзади топали ополченцы. Вокруг были только враги.

– Всё кончено, – сказал Зорин. – Бросай оружие.

Боровский посмотрел на него, на автомат в его руках, на золотой свет за его спиной. Кристалл был так близко. И так далеко.

– Не кончено, – прохрипел он и нажал на спуск.

Выстрел грохнул в тесном подвале, эхом ударив по стенам. Боровский нажал на спуск, целясь прямо в грудь Зорина, но в тот же миг чья-то рука рванула его автомат вверх – пуля ушла в потолок, выбив фонтан штукатурки. Шкаф, его верный помощник, схватил его за плечо:

– Шеф, назад! Они окружают!

– Пусти! – Боровский рванулся, но Шкаф держал крепко.

– Нельзя! Здесь ловушка!

Из коридора уже доносились крики и топот – ополченцы сбегались на выстрелы. Зорин, пригнувшись, отступил за дверь, давая знак своим. Из-за угла выскочили Марат и двое бойцов, автоматы наготове.

– Бросай оружие! – закричал Марат.

Боровский, вырвавшись из рук Шкафа, выстрелил в ответ. Пули застучали по стенам, выбивая искры. Один из ополченцев упал, схватившись за плечо. Марат дал длинную очередь, заставив Боровского и его людей укрыться за бетонной колонной.

– Уходим! – заорал Шкаф, таща Боровского к выходу. – Там тоннель!

Они побежали обратно по коридору, натовцы и бандиты прикрывали отход. Пули свистели над головами, выбивая куски бетона. Боровский бежал, сжимая автомат, и чувствовал, как ярость закипает в крови. Так близко. Кристалл был в нескольких метрах, а он снова вынужден бежать.

– В тоннель! – крикнул проводник, латыш, указывая на провал в стене, откуда они пришли.

Они нырнули в темноту. Сзади уже слышались голоса ополченцев. Боровский споткнулся, упал, больно ударившись коленом. Шкаф подхватил его, потащил дальше.

– Не останавливайся! – прохрипел он.

Тоннель тянулся бесконечно. Боровский бежал, не чувствуя ног, только адреналин гнал его вперёд. Сзади стрельба стихла, но он знал – погоня не отстанет.

– Выход! – крикнул проводник.

Впереди показался свет – тусклый, серый, но настоящий. Боровский рванул к нему, выскочил наружу и упал на землю, тяжело дыша. Рядом вывалились остатки его отряда – человек десять, не больше.

– Все? – спросил он, поднимаясь.

– Шкаф? – огляделся кто-то.

Шкафа не было.

– Он остался там, – сказал один из натовцев. – Прикрывал отход.

Боровский посмотрел на тёмный провал тоннеля. Из глубины доносились выстрелы, потом всё стихло.

– Идём, – сказал он, отворачиваясь. – Надо уходить.

– А Шкаф?

– Шкаф погиб. Запомните его.

Они двинулись к лесу. За спиной оставался Калининград, где они едва не захватили кристалл. Впереди был только лес, болота и граница. Боровский шёл, сжимая автомат, и чувствовал, как ненависть закипает в крови. Он вернётся. Он обязательно вернётся.

Зорин стоял у входа в подвал, глядя на тёмный провал тоннеля. Марат подошёл, вытирая пот со лба.

– Ушли, – сказал он. – Мы перекрыли выход, но они успели.

– Много?

– Десять-двенадцать. Остальные погибли или сдались.

– Шкаф?

– Мёртв. Мы нашли его тело.

Зорин кивнул, но на душе было тяжело. Боровский снова ушёл. И теперь он знал, что враг не успокоится.

– Усилить охрану, – сказал он. – И проверьте все входы в подземелья. Если они нашли один тоннель, могут найти и другие.

– Сделаем.

Алиса, прибежавшая на звуки стрельбы, подошла к Зорину.

– Дядя Гриша, вы целы?

– Цел, дочка. Боровский промахнулся.

– Он ушёл?

– Ушёл. Но теперь мы знаем, что он рядом. Будем готовы.

Глава 3. Разведка доносит

После неудачного штурма базы и гибели Шкафа Боровский затаился. Его отряд, уменьшившийся до десятка человек, укрылся в лесах на польской стороне, недалеко от границы. Натовцы, обещавшие поддержку, не спешили с новой помощью – они ждали, когда разведка соберёт больше информации о слабых местах в обороне Калининграда.

Марат, ставший после гибели Руслана главным по разведке, не спал третьи сутки. Он лично опрашивал перебежчиков, изучал карты, прочёсывал лес в поисках следов. Информация поступала скудная, но тревожная: Боровский не только не сдался, но и вербовал новых людей среди недовольных, бежавших из Калининграда после войны.

В тот день, когда Алиса с Йонасом уехали в город на совещание, Марат получил донесение от своего лучшего разведчика, Степана, того самого, что когда-то ходил с Русланом. Степан вернулся из леса усталый, грязный, но с новостями.

– Там, на границе, – доложил он, присев на лавку в штабной избе, – скопление людей. Человек пятьдесят, не меньше. Они переходят границу по ночам, прячутся в лесу. У них оружие, есть даже гранатомёты.

– Натовцы? – спросил Марат, наливая ему кружку воды.

– Не похоже. Одежда разная, кто в чём. Но командуют ими люди в форме без знаков различия. Я одного видел, когда он отдавал приказы.

– Боровский?

– Не знаю. Тот, кого я видел, высокий, светловолосый. Не наш.

Марат задумался. Если Боровский получил подкрепление от натовцев, значит, они готовятся к новому удару.

– Где они сейчас?

– В старом лагере, километрах в десяти от границы. Там раньше была лесопилка, теперь развалины. Они окопались, посты выставили. Тихо сидят, никого не подпускают.

– А наши люди? Ты их видел?

– Видел. Человек пять. Все из бывших боровских, я некоторых знаю. Они оружие таскают, патроны. Готовятся.

– К чему?

– Не знаю. Но чувствуется, что скоро что-то будет.

Марат отпустил Степана отдыхать, а сам отправился к Зорину. Тот сидел в своей избе, просматривая старые карты.

– Командир, – начал Марат без предисловий, – наши люди нашли лагерь Боровского. Человек пятьдесят, может, больше. Они готовятся к чему-то.

Зорин отложил карту, посмотрел на Марата:

– Рассказывай.

Марат пересказал всё, что услышал от Степана. Зорин слушал, не перебивая, только хмурился.

– Значит, натовцы снова с ним, – сказал он, когда Марат закончил. – Или те, кто за ними стоит.

– Что будем делать?

– Готовиться. Усилим патрули, проверим все входы в город. Если они пойдут, мы должны встретить.

– А если пойдут в обход? Через лес?

– У нас есть люди в лесу. Не пропустят.

Марат кивнул, но на душе было тревожно. Он помнил, как Боровский уже дважды уходил от них, как каждый раз после его побегов гибли люди.

– Я хочу сам сходить в лагерь, – сказал он. – Посмотреть, что там.

– Рискованно, – ответил Зорин. – Если заметят…

– Не заметят. Я знаю эти места. И я умею ходить незаметно.

Зорин посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул:

– Хорошо. Но без геройства. Только разведка.

– Понял.

На рассвете Марат, взяв с собой двоих проверенных сталкеров, ушёл в лес. Шли быстро, стараясь не оставлять следов. К полудню они вышли к старой лесопилке, о которой говорил Степан.

Лагерь действительно был. Несколько палаток, замаскированных под цвет леса, дымок от костра, редкие фигуры людей, снующих между деревьями. Марат насчитал не меньше пятидесяти человек, а может, и больше. Среди них были и те, кого он узнал – бывшие боровские, сдавшиеся после гибели Боровского, но потом сбежавшие.

Он залёг в кустах, наблюдая. Вдруг из центральной палатки вышел человек в камуфляже. Высокий, светловолосый, с жёстким лицом. Он отдавал приказы, указывал на карту, которую держал в руках. Марат присмотрелся – это был не Боровский.

– Натовец, – прошептал один из сталкеров.

– Похоже.

Они лежали, не шевелясь, пока солнце не начало клониться к закату. Потом Марат подал знак отходить.

Вернулись на базу затемно. Зорин ждал их у ворот.

– Что скажешь? – спросил он.

– Лагерь. Человек пятьдесят, не меньше. С ними натовцы, один командует. Боровского я не видел, но он где-то там.

– Значит, готовятся, – сказал Зорин. – Будем готовиться и мы.

Марат сидел в штабной избе, глядя на карту, разложенную на столе. Рядом с ним стоял Зорин, опираясь на трость, и тоже смотрел. Лица их были сосредоточены, напряжены.

– Значит, пятьдесят человек, – повторил Зорин, проводя пальцем по отмеченному на карте месту. – И натовцы с ними.

– Не меньше. Может, больше. Они хорошо замаскировались, но я насчитал пятьдесят, а могли быть и в палатках, и в лесу.

– А Боровский? Ты его видел?

– Нет. Но он где-то там. Без него они бы не собрались.

Зорин задумался. Прошлый раз Боровский чуть не прорвался к кристаллу. Если он получил новое подкрепление, значит, готовится к чему-то серьёзному.

– Надо сообщить Горелову, – сказал он. – И усилить охрану.

– Я уже, – ответил Марат. – Посты удвоены. Но этого мало. Если они пойдут в обход, у нас не хватит людей, чтобы прикрыть все направления.

– Значит, будем ждать их там, где они ударят. Где, по-твоему, самое слабое место?

Марат ткнул пальцем в карту:

– Вот здесь. Старые склады на окраине. Там сейчас никого, охрана снята, потому что склады пустые. Если они пройдут через лес, выйдут прямо к ним.

– А дальше?

– Дальше – прямая дорога к центру. К штабу, к лаборатории.

Зорин нахмурился:

– Значит, туда и надо ставить дополнительные силы.

– Я уже распорядился. Но людей не хватает.

– Возьмём из резерва. И подключим общины. Армяне, татары – они дадут добровольцев.

Марат кивнул, но на душе было тревожно. Он помнил, как Боровский уходил от них уже дважды, как каждый раз после его побегов гибли люди.

– Командир, – сказал он, – а что, если Боровский не пойдёт в лоб? Если он ударит там, где мы не ждём?

– Значит, будем ждать везде, – ответил Зорин. – У нас есть дети-сенсоры. Они предупредят.

– Мартинас сказал, что приближается тьма. Он не знает откуда.

– Значит, будем готовы отовсюду.

В тот же вечер Зорин связался с Гореловым. Рация, настроенная на новую частоту, работала исправно – после стабилизации кристалла связь с городом стала надёжнее.

– Виктор Павлович, – сказал Зорин, когда в динамике раздался голос Горелова, – у нас новости. Разведка обнаружила лагерь Боровского на польской стороне. Пятьдесят человек, не меньше. С ними натовцы.

– Знаю, – ответил Горелов, и голос его был мрачен. – Наши люди в городе тоже заметили подозрительных. Кто-то передаёт информацию, готовит диверсии.

– Предатели?

– Или те, кто остался верен Боровскому. Их немного, но они есть. Мы усилили охрану, но расслабиться нельзя.

– Что будем делать? – спросил Зорин.

– Готовиться к обороне. Укреплять позиции, мобилизовать резервы. Если они ударят, мы должны выстоять.

– А если они не ударят? Если это только разведка?

– Тогда мы выиграем время. А время сейчас работает на нас.

Разговор закончился. Зорин отключил рацию, повернулся к Марату:

– Горелов подтверждает. В городе тоже неспокойно.

– Значит, готовятся.

– Готовятся. И мы будем готовы.

На следующий день Алиса с Йонасом приехали из города. Они привезли новости: Горелов собирает ополчение, военные подтягивают силы к границе, в городе созданы блокпосты.

– Нас ждут, – сказала Алиса, входя в избу. – Всех, кто может держать оружие.

– Мы готовы, – ответил Зорин.

– А дети? – спросила Алиса. – Они останутся здесь?

– Дети останутся. С ними будет Вера и несколько бойцов. А мы пойдём в город.

– Я с вами, – сказала Алиса.

– Я знаю, дочка. Ты всегда с нами.

Они обнялись, и Алиса почувствовала, как тепло разливается в груди.

Вечером, когда стемнело, Марат снова ушёл в лес. На этот раз он взял с собой Томаса. Мальчик, несмотря на свой возраст, был самым сильным сенсором после Мартинаса, и его способность чувствовать врага на расстоянии могла пригодиться.

– Ты не боишься? – спросил Марат, когда они углубились в чащу.

– Нет, – ответил Томас. – Я чувствую их. Они далеко.

– Сколько?

– Много. Но они не двигаются. Ждут.

– Чего?

– Не знаю. Темноты? Или приказа.

Они шли всю ночь. К рассвету Томас остановился, поднял руку:

– Здесь.

Марат залёг в кустах, всматриваясь. Впереди, между деревьями, виднелись палатки, костры, фигуры людей. На этот раз он насчитал не пятьдесят, а больше. Намного больше.

– Сотня, – прошептал он. – Может, две.

– И они, – Томас показал на группу людей в камуфляже. – Те, кто командует.

Марат увидел высокого светловолосого офицера, того самого, что был в прошлый раз. Рядом с ним стоял ещё один, ниже, коренастый, с чёрной бородой. Они о чём-то спорили, указывая на карту.

– Боровский? – спросил Марат.

– Нет, – ответил Томас. – Боровский другой. Я чувствую. Он там, – мальчик показал в сторону большой палатки в центре лагеря. – Он злой. Очень злой.

Марат сжал автомат. Ему хотелось ворваться в лагерь, найти Боровского, покончить с ним раз и навсегда. Но он понимал, что это самоубийство.

– Уходим, – сказал он, отползая.

Они вернулись на базу к полудню. Зорин ждал их у ворот.

– Двести, – сказал Марат, выбираясь из кустов. – Не меньше. И с ними натовцы. Боровский там.

– Значит, скоро начнут, – сказал Зорин.

– Сегодня? – спросила Алиса, подбежавшая на звук.

– Нет, – ответил Томас. – Они ждут. Ещё не готовы.

– Сколько у нас времени?

– День, может, два.

– Хватит, – сказал Зорин. – Готовьтесь.

Сведения, которые принесли Марат и Томас, перевернули всё. Двести человек. Натовцы. Боровский. Всё это было слишком близко, слишком реально. Алиса стояла у карты, развёрнутой на столе в штабной избе, и чувствовала, как холодок пробегает по спине. Зорин, опираясь на трость, водил пальцем по отмеченным точкам.

– Здесь их основной лагерь, – сказал он, указывая на лес за границей. – Здесь, – он передвинул палец к старой лесопилке, – они держат резервы. И здесь, – он ткнул в точку у старого тоннеля, – они готовят прорыв.

– Как они собираются прорываться? – спросил Марат. – В лоб?

– Нет, – ответил Зорин. – Они пойдут по тоннелю. Тому самому, где мы их уже ловили.

– Но мы его завалили, – возразил Ильяс.

– Развалят снова. У них есть техника.

– Что будем делать? – спросила Алиса.

– Готовиться, – ответил Зорин. – Укреплять оборону, ставить ловушки. И ждать.

Следующие два дня пролетели в лихорадочной подготовке. Мужчины укрепляли баррикады, рыли окопы, устанавливали пулемётные гнёзда. Женщины готовили запасы, перевязывали бинты, собирали медикаменты. Дети помогали, чем могли, носили воду, подносили патроны.

Алиса металась между всеми, проверяла посты, говорила с бойцами. Йонас был рядом, помогал, где мог. Зорин, несмотря на больную спину, лично проверял каждую позицию.

К вечеру второго дня пришло известие от разведчиков: колонна двинулась. Боровский пересёк границу с отрядом около двухсот человек. Впереди шли натовцы, за ними – остатки его банды.

– Идут к тоннелю, – сказал разведчик, тяжело дыша после долгого бега.

– Сколько им до него? – спросил Зорин.

– Часа два. Может, меньше.

– Успеем, – сказал Зорин. – Марат, бери людей, займите позиции у тоннеля. Алиса, ты со мной.

– Я? – удивилась она.

– Да. Ты нужна в городе. Горелов просил подкрепление.

– А вы?

– Я остаюсь здесь. Буду ждать.

Она хотела возразить, но встретила его взгляд и поняла – спорить бесполезно.

– Хорошо, – сказала она. – Но вы берегите себя.

– Береги, дочка. Возвращайся.

Алиса и Йонас выехали в город, когда солнце уже садилось. УАЗик подпрыгивал на ухабах, и Алиса, прижавшись к окну, смотрела на проплывающие мимо поля и перелески. В голове крутилась одна мысль: успеют ли? Смогут ли удержать тоннель? Вернутся ли?

– Не бойся, – сказал Йонас, словно прочитав её мысли. – Они справятся.

– Откуда ты знаешь?

– Зорин справлялся и не в таких переделках.

– Зорин – да. А остальные?

– Остальные тоже. Они научились у него.

В городе их встретили патрули. Горелов, узнав о прибытии подкрепления, приказал пропустить машину. В здании штаба было людно. Военные, ополченцы, связные – все готовились к обороне.

– Хорошо, что ты приехала, – сказал Горелов, увидев Алису. – Нужно усилить охрану у лаборатории.

– Кристалл? – спросила она.

– Он. Если Боровский доберётся до него, всё будет кончено.

– Не доберётся, – твёрдо сказала Алиса. – Я не дам.

Ночь прошла тревожно. Алиса не спала – сидела у входа в лабораторию, сжимая наган, и вслушивалась в ночные звуки. Йонас был рядом, готовый в любую минуту прийти на помощь.

– Тишина, – сказал он, когда часы пробили полночь.

– Слишком тихо, – ответила Алиса.

Вдруг вдалеке, со стороны окраины, раздались выстрелы. Одиночные, потом очередь, потом взрыв.

– Началось, – прошептал Йонас.

Алиса вскочила, сжимая наган. Вдали, над крышами домов, взметнулось зарево пожара.

– Держись, дядя Гриша, – прошептала она. – Держись.

Выстрелы на окраине города стихли так же внезапно, как и начались. Алиса, сжимая наган, ждала новых звуков, но тишина была обманчивой. Она знала – это только начало.

– Проверь связь с Зориным, – сказала она Йонасу.

Тот кивнул и скользнул в здание штаба. Через минуту вернулся:

– Связи нет. Рация молчит.

– Глушат?

– Или бой идёт такой, что не до нас.

Алиса посмотрела в сторону окраины, где ещё виднелось зарево пожара. Там, у старого тоннеля, её товарищи держали оборону. Там был Зорин, Марат, Ильяс, те, кто стал ей семьёй.

– Мы не можем ждать, – сказала она. – Надо идти к ним.

– А кристалл? – спросил Йонас.

– Кристалл под охраной. Нас там больше, чем нужно. А у них – нет.

Они уже собрались бежать, когда из темноты вынырнула фигура. Молодой парень, весь в копоти, с автоматом на плече. Алиса узнала его – это был Степан, разведчик, который ходил с Маратом.

– Алиса! – крикнул он, задыхаясь. – Там… тоннель… они прорвались!

– Кто? Боровский?

– Да. Он прорвался. Зорин ранен, Марат держится, но их мало.

Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Веди! – крикнула она.

Они бежали по тёмным улицам, не разбирая дороги. Степан вёл их короткими путями, через дворы и развалины. Вдалеке уже слышалась стрельба – не стихающая, а нарастающая. Бой шёл не на жизнь, а на смерть.

– Сколько их? – спросил Йонас, когда они остановились передохнуть.

– Много. Человек сто, не меньше. Натовцы и свои, боровские. Они прорвали оборону у тоннеля.

– А Зорин?

– Жив, но ранен. В плечо. Марат перевязал, но он не уходит, держится.

Алиса сжала наган. Она должна была быть там.

– Бежим! – крикнула она.

Когда они добежали до места, бой уже переместился на улицы. Ополченцы отступали, прикрывая раненых. Боровский, с группой натовцев, теснил их к центру. Алиса увидела Марата – он стоял за баррикадой, стрелял из автомата, не давая врагу пройти.

– Марат! – крикнула она, подбегая.

– Алиса! – он обернулся, и в его глазах мелькнула надежда. – Зорин там, – он кивнул на развалины дома. – Ранен, но не уходит.

Она рванула к развалинам. Внутри, прижавшись к стене, сидел Зорин. Плечо было перевязано, но кровь проступала сквозь бинты.

– Дядя Гриша! – Алиса опустилась рядом.

– Жива, дочка, – он слабо улыбнулся. – А я уж думал, не увижу.

– Молчите, – она быстро осмотрела рану. – Пуля прошла навылет. Если не будет заражения, выживете.

– Выживу, – он попытался встать, но Алиса удержала.

– Лежите. Мы сами справимся.

– Нет, – он упрямо поднялся, опираясь на стену. – Моё место там.

Он вышел из развалин, и Алиса пошла за ним. На улице бой кипел. Марат с группой ополченцев сдерживал натиск, но силы были неравны.

– Держаться! – крикнул Зорин, вскидывая автомат. – Сейчас подойдёт подкрепление!

– Какое подкрепление? – спросил кто-то.

– Наше! – раздался голос сзади.

Алиса обернулась. Из-за угла выходили люди. Армяне, татары, литовцы – те, кто ещё вчера был мирными жителями, а сегодня взял в руки оружие. Впереди шёл Тер-Петрос с крестом в руке, а за ним – Рашид-хазрат с автоматом.

– Мы с вами, – сказал армянский священник. – Бог велел защищать ближних.

– Аллах акбар! – крикнул имам, и татары рванули вперёд.

Бой переломился. Натовцы, не ожидавшие подкрепления, начали отступать. Боровский, увидев, что его окружают, дал команду отходить.

– Не уйдёшь! – закричала Алиса, бросаясь за ним.

Она бежала, сжимая наган, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Боровский петлял между развалинами, но она не отставала. Вот он остановился, обернулся, вскинул пистолет.

– Стой, стрелять буду! – крикнула она.

Он выстрелил. Пуля просвистела мимо. Алиса выстрелила в ответ – и Боровский, схватившись за плечо, упал.

– Попала, – прошептала она, подходя.

Он лежал на земле, сжимая раненое плечо, и смотрел на неё с ненавистью.

– Добивай, – прохрипел он. – Чего ждёшь?

– Нет, – ответила Алиса. – Ты ответишь перед судом.

– Каким судом? Вашим? Смешно.

– Увидим.

Подбежали Марат и Йонас. Боровского связали и повели. Алиса осталась стоять, глядя на дымящиеся развалины. Всё кончено.

Глава 4. Горелов настороже

Новость о том, что Боровский прорвался через тоннель и был ранен, но не пленён, облетела штаб Горелова к утру. Алиса, вернувшаяся с поля боя, сидела в коридоре, прислонившись к стене, и сжимала в руке наган. Йонас принес ей чай, но она не пила – смотрела в одну точку, переживая события прошедшей ночи.

– Ты как? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Боровский ушёл, – ответила она. – Опять.

– Его ранили. Он не сможет далеко уйти.

– Он всегда уходит. Сколько можно?

Из кабинета вышел Горелов. Он был бледен, под глазами залегли тёмные круги, но держался прямо.

– Алиса, – позвал он. – Зайди.

Она поднялась и вошла в кабинет. Там уже были Зорин, Марат, Петрович, Джонсон и Фогель. На столе лежала карта, испещрённая красными и синими флажками.

– Садись, – сказал Горелов. – Будем решать, что делать дальше.

– Боровский ранен, – начал Зорин, когда все уселись. – Он ушёл с остатками отряда в лес. Но у него есть люди, есть оружие, есть поддержка. Он вернётся.

– Когда? – спросил Горелов.

– Неделя, может, две. Пока залечит рану, пока соберёт силы.

– Значит, у нас есть время.

– Времени мало, – вмешался Джонсон. – Мои бывшие коллеги не будут ждать. Они хотят кристалл. И они пришлют новых людей.

– Сколько? – спросил Марат.

– Не знаю. Но не меньше, чем в прошлый раз. Может, больше.

В кабинете повисла тишина. Алиса смотрела на карту, на красные флажки, которыми были отмечены позиции врага, и чувствовала, как тяжесть наваливается на плечи.

– Что будем делать? – спросила она.

– Готовиться, – ответил Горелов. – Укреплять оборону, тренировать людей, искать союзников.

– Союзников? – удивился Петрович. – Где?

– В Москве. Я уже связался с ними. Обещают помочь.

– Когда?

– Не знаю. Но обещают.

– Обещать – не значит сделать, – заметил Зорин.

– Знаю. Но другого выхода нет.

После совещания Алиса вышла на улицу. Солнце уже поднялось, но грело слабо. Вдалеке, над лесом, ещё висел дым – горели дома, подожжённые во время ночного боя. Люди разбирали завалы, уносили раненых.

К ней подошёл Мартинас. Мальчик был бледен, под глазами залегли тёмные круги.

– Ты не спишь? – спросила Алиса.

– Не могу. Я чувствую их. Они далеко, но они вернутся.

– Мы будем готовы.

– Не готовы, – покачал он головой. – Не до конца.

Алиса обняла его, прижала к себе. Она знала, что он прав. Но что ещё можно было сделать?

Вечером Горелов снова собрал совет. На этот раз пришли представители всех общин: Тер-Петрос, Рашид-хазрат, пан Збигнев, Марк Гольдштейн, Йонас. Даже натовцев пригласили – Джонсон и Фогель сидели в углу, не вмешиваясь.

– Мы должны объединиться, – сказал Горелов. – Если Боровский вернётся, а он вернётся, мы должны встретить его как единая сила.

– Что вы предлагаете? – спросил Тер-Петрос.

– Создать единое ополчение. Все общины выделяют людей. Мы их вооружим, обучим. И будем держать оборону вместе.

– А кто будет командовать? – спросил Марк Гольдштейн.

– Зорин, – ответил Горелов. – Он доказал, что умеет воевать.

– А если он не справится? – спросил кто-то.

– Справится, – твёрдо сказала Алиса. – Я знаю.

Все обернулись к ней. Она стояла у стены, сжимая наган, и смотрела на Зорина.

– Он справится, – повторила она. – Потому что у него нет выбора.

Ночью Алиса не спала. Сидела на крыльце, глядя на звёзды. Рядом пристроился Йонас.

– Думаешь, у нас получится? – спросил он.

– Должно, – ответила она. – Другого не дано.

Из темноты вынырнул Мартинас. Он подошёл, сел рядом.

– Они вернутся, – сказал он. – Скоро. Но вы победите. Я чувствую.

– Откуда знаешь? – спросила Алиса.

– Я вижу. После тьмы будет свет.

Она обняла мальчика. Ей хотелось верить.

Утро после совещания выдалось хмурым. Небо затянуло тучами, моросил мелкий дождь, и осенняя сырость пробирала до костей. Но несмотря на погоду, в городе и на базе кипела работа. Люди, понимая, что враг может вернуться в любой момент, готовились к обороне.

Алиса проснулась рано. Она вышла из избы, потянулась и направилась к штабной избе, где уже собрались командиры. Зорин, опираясь на трость, стоял у карты. Марат, Ильяс, Петрович и другие командиры сидели на лавках. Горелов, приехавший из города, был тут же.

– Садись, дочка, – сказал Зорин, увидев Алису.

Она села рядом с Йонасом. На столе лежала карта Калининградской области, испещрённая пометками.

– Итак, – начал Горелов, – мы знаем, что Боровский ранен, но не уничтожен. Он ушёл с остатками отряда в лес. Мы не знаем, где именно, но знаем, что он будет искать поддержки у натовцев.

– А натовцы? – спросил Марат. – Они пришлют подкрепление?

– Обязательно, – ответил Джонсон, сидевший в углу. – Кристалл – это то, что им нужно. Они не остановятся.

– Что вы предлагаете? – спросил Горелов.

– Укрепить оборону. Создать несколько линий защиты. И самое главное – спрятать кристалл.

– Спрятать? – удивился Петрович. – Куда?

– Есть одно место, – сказал Фогель. – Старое бомбоубежище под городом. Его построили ещё в войну, потом забросили. О нём никто не знает.

– А вы откуда знаете? – спросил Зорин.

– Мы изучали архивы. Там были планы города. Это убежище есть на картах, но оно не использовалось с сороковых годов. Вход завален, но его можно расчистить.

– И вы предлагаете туда перенести кристалл? – спросил Горелов.

– Да. И держать там до тех пор, пока опасность не минует.

– А если натовцы узнают?

– Не узнают. Об этом знаем только мы.

После совещания Алиса задержалась в избе. Она подошла к Зорину.

– Дядя Гриша, вы верите им? – спросила она, кивнув в сторону Джонсона и Фогеля.

– Должен, – ответил он. – У нас нет другого выбора.

– А если они нас обманут?

– Тогда мы их убьём. Но сначала дадим шанс.

В тот же день началась подготовка к переносу кристалла. Фогель и Николай Иванович упаковали его в специальный контейнер, обложили свинцовыми пластинами, чтобы скрыть излучение. Алиса, Марат и несколько бойцов должны были сопровождать кристалл в убежище.

– Идём, – сказал Зорин, когда всё было готово.

Они вышли на улицу. Дождь кончился, но небо было серым. Алиса шла рядом с контейнером, сжимая наган, и чувствовала, как напряжение нарастает с каждым шагом.

– Долго ещё? – спросила она у Фогеля.

– Километра два. Вход за старым универмагом.

Они двинулись через развалины. Город был пуст – люди разбежались по домам, готовясь к обороне. Только редкие патрули встречались на пути.

– Здесь, – сказал Фогель, указывая на провал в земле.

Это был вход в старый подвал, заваленный битым кирпичом и мусором. Марат и бойцы начали разбирать завал. Через час проход был открыт.

– Внутри темно, – сказал Фогель. – Но лестница есть. Я пойду первым.

– Нет, – остановил его Марат. – Я пойду первым.

Он спустился вниз. Через минуту вернулся:

– Чисто. Можно идти.

Они спустились в подвал. Внутри было темно, сыро, но стены были крепкими. Фогель зажёг фонарь.

– Здесь, – сказал он, указывая на нишу в стене. – Сюда поставим контейнер.

Марат поставил контейнер. Алиса подошла, коснулась его рукой. Кристалл был тёплым, пульсировал ровно, словно успокаиваясь.

– Теперь он в безопасности, – сказал Фогель. – Пока никто не знает, где он.

– Надеюсь, – ответила Алиса.

Вернувшись на базу, они застали Зорина за разговором с Гореловым. Лица у обоих были напряжённые.

– Что случилось? – спросила Алиса.

– Разведка донесла, – ответил Зорин. – Боровский пересёк границу. Идёт сюда.

– Сколько?

– Человек сто. Может, больше.

– А наши?

– Пятьсот. Но у них лучше вооружение.

– Значит, будем воевать умом, – сказала Алиса.

Зорин улыбнулся:

– Верно, дочка. Будем воевать умом.

Вести о том, что Боровский пересёк границу с новым отрядом, облетели город мгновенно. Люди, ещё недавно надеявшиеся на мир, снова хватались за оружие. Горелов, получив донесение, вызвал всех командиров на экстренное совещание. В штабной избе было тесно.

Зорин, Марат, Ильяс, Петрович, Алиса, Йонас, представители общин – все собрались, чтобы решить, как встречать врага.

– Итак, – начал Горелов, разворачивая карту на столе, – Боровский идёт с юга. У него около сотни человек, возможно, больше. С ним натовцы, хорошо вооружённые. Они идут к городу.

– Где они сейчас? – спросил Зорин.

– В лесу, километрах в двадцати от границы. Если не сбавлять темп, завтра к вечеру будут на окраинах.

– А наши силы? – спросил Марат.

– Пятьсот бойцов в ополчении. Плюс военные, которые подтянулись из области. Но у них тяжёлое вооружение, у нас – только лёгкое.

– Значит, будем воевать не числом, а умом, – сказал Зорин.

– Что вы предлагаете? – спросил Горелов.

– Не ждать их в городе. Встретить в лесу. Устроить засады, перекрыть дороги, отрезать отход.

– А если они пойдут в обход?

– У нас есть люди в лесу. Не пропустят.

– А Боровский?

– Боровский наш. Я сам пойду за ним.

После совещания Алиса задержалась. Она подошла к Зорину.

– Дядя Гриша, – сказала она, – я пойду с вами.

– Нет, дочка. Ты нужна здесь.

– Я нужна там. Я умею стрелять, я знаю лес. И я хочу быть рядом, когда мы возьмём Боровского.

Зорин посмотрел на неё долгим взглядом, потом кивнул:

– Хорошо. Но будешь держаться позади. Если что – сразу в укрытие.

– Обещаю.

На рассвете отряд выступил. Зорин, Марат, Ильяс, Алиса, Йонас и два десятка лучших бойцов. Они двинулись к лесу, где, по данным разведки, укрывался Боровский. Шли быстро, стараясь не шуметь.

– Сколько нам ещё? – спросила Алиса, когда солнце поднялось.

– Километров десять, – ответил Марат. – К вечеру будем.

– А если они уйдут?

– Не уйдут. Они ждут подкрепления.

К вечеру они вышли к месту, где, по словам разведчиков, находился лагерь Боровского. Лес был пуст. Только обгоревшие костры да брошенные палатки напоминали о том, что здесь кто-то был.

– Ушли, – сказал Марат, осматривая лагерь.

– Куда? – спросил Зорин.

– В город. Они пошли в обход.

– Значит, мы их не опередили.

– Надо возвращаться.

– Поздно, – раздался голос из леса.

Из-за деревьев вышли люди. Натовцы, с автоматами, окружали их. Впереди шёл Боровский. Он был бледен, рука на перевязи, но глаза горели той же ненавистью.

– Здравствуй, Зорин, – сказал он. – Долго же мы не виделись.

– Не долго, – ответил Зорин. – И, вижу, ты всё такой же.

– А ты всё такой же. Веришь в свою правду.

– Верю.

– Зря. Правда у того, у кого сила.

– Посмотрим.

Боровский поднял руку, давая сигнал. Натовцы вскинули оружие.

– Сдавайтесь, – сказал он. – И я, может быть, оставлю вас в живых.

– Не сдадимся, – ответил Зорин.

– Тогда умрёте.

Он опустил руку, и в тот же миг лес взорвался выстрелами.

Выстрелы грохотали со всех сторон. Алиса упала на землю, прижимаясь к ней всем телом, и лихорадочно пыталась понять, откуда стреляют. Пули свистели над головой, выбивая кору из деревьев, взрывая землю. Рядом тяжело дышал Йонас, вцепившись в автомат. Марат уже стрелял, прикрывая отход. Зорин, опираясь на трость, отдавал команды.

– К оврагу! – крикнул он. – Все за мной!

Они побежали, пригибаясь, петляя между деревьями. Сзади слышались крики и выстрелы – натовцы преследовали. Алиса бежала, не чувствуя ног, подгоняемая страхом. Йонас рядом, Марат прикрывает.

Вот овраг. Они скатились вниз, замерли. Сверху, над краем, мелькали тени.

– Затаились, – прошептал Зорин. – Тихо.

Сверху прошли люди. Голоса, ругань, потом стихли.

– Ушли? – спросил Ильяс.

– Пока да, – ответил Зорин. – Но вернутся.

– Что будем делать? – спросила Алиса.

– Ждать темноты. А потом прорываться.

Ночь опустилась на лес. Алиса сидела, прижавшись к Йонасу, и слушала, как завывает ветер. Холод пробирал до костей, но двигаться нельзя было – враг мог быть рядом.

– Дядя Гриша, – прошептала она, – вы верите, что мы выберемся?

– Должны, дочка. Другого не дано.

– А если Боровский нас найдёт?

– Не найдёт. Мы уйдём.

Он поднялся, подал знак. Они вылезли из оврага и двинулись через лес. Шли медленно, стараясь не шуметь. Впереди – Зорин, за ним – Алиса и Йонас, сзади – Марат и остальные.

– Сколько нам ещё? – спросил Ильяс.

– Километров пять, – ответил Зорин. – Если не сбавлять темп, к утру будем.

– А если они нас догонят?

– Значит, будем отбиваться.

К рассвету они вышли к окраинам города. Впереди показались знакомые развалины. Алиса узнала это место – здесь когда-то был рынок, потом – пустырь, а теперь – блокпост ополчения.

– Свои! – крикнул Зорин, выходя из темноты.

Часовой вскинул автомат, но узнал, опустил.

– Командир! Живой!

– Живой, – ответил Зорин. – Ведите к Горелову.

В штабе их встретили с радостью. Горелов, узнав, что Зорин вернулся, вышел навстречу.

– Живы! – воскликнул он. – А мы уж думали…

– Живы, – сказал Зорин. – Но Боровский ушёл.

– Знаю. Наши разведчики видели его. Он ранен, но не сдаётся. У него осталось человек пятьдесят.

– Значит, скоро вернётся.

– Значит, будем готовиться.

Алиса стояла в стороне, глядя на карту, испещрённую флажками. Красные – враг, синие – свои. Синих было больше, но красные подступали всё ближе.

– Дядя Гриша, – сказала она, – мы выстоим?

– Выстоим, дочка. Обязательно выстоим.

Утро после возвращения Зорина выдалось тревожным. Вести о том, что Боровский с остатками отряда затаился в лесу и готовит новое нападение, быстро разнеслись по городу. Люди, ещё недавно праздновавшие победу, снова готовились к обороне. На улицах устанавливали баррикады, женщины разносили бинты и лекарства, дети помогали взрослым.

Алиса стояла у окна в штабной избе, глядя, как суетятся люди. Йонас подошёл сзади, обнял.

– Ты как? – спросил он.

– Держусь. А ты?

– Тоже. Главное, что мы живы.

– И что Зорин жив.

– Да. И Зорин.

В комнату вошёл Горелов. Он был бледен, под глазами залегли тёмные круги, но держался прямо. За ним – Зорин, Марат, Петрович, представители общин.

– Садитесь, – сказал Горелов. – Будем решать, что делать дальше.

– Боровский ушёл, – начал Зорин, когда все уселись. – Он ранен, но не сдаётся. У него осталось человек пятьдесят. Они в лесу, готовятся к новому удару.

– Когда они могут ударить? – спросил Горелов.

– Дня через два-три. Пока залечат раны, пока подойдёт подкрепление.

– Подкрепление? – удивился Петрович. – Откуда?

– Натовцы обещали. Они хотят кристалл.

– А что с кристаллом? – спросил Марк Гольдштейн.

– В безопасности, – ответил Фогель. – Мы спрятали его в старом бункере. Никто не знает где.

– А если натовцы узнают?

– Не узнают. Об этом знаем только мы.

– А если Боровский проболтается? – спросила Алиса.

– Боровский не знает. Мы спрятали кристалл после того, как он ушёл.

Совещание затянулось. Обсуждали планы обороны, распределяли силы, назначали ответственных. Алиса слушала, впитывая каждое слово. Она чувствовала, что это только начало.

После совещания она вышла на улицу. Вечерело, солнце садилось, окрашивая небо в багровые тона. Йонас ждал у крыльца.

– Домой? – спросил он.

– Домой.

Они пошли к избе. За их спинами оставался штаб, где готовились к новой войне. Впереди была ночь, а за ней – неизвестность.

Ночью Алиса не спала. Сидела на крыльце, глядя на звёзды. Рядом пристроился Мартинас.

– Ты не спишь? – спросил он.

– Не спится. Думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.